

Возможно, факт возвращения к жизни был одновременно абсурдным и поразительным. Хотя на словах он говорил о том, чтобы уйти, в душе он хотел заполучить того человека еще сильнее, чем раньше, и в то же время был в отчаянии, потому что его брат четко отверг его, даже больше — он его боялся.

Скорость машины не снижалась, и она ехала прямо в знакомый пригород.

Остановившись, Чжао Шэн взял пакет с вещами, вошел в дом и поднялся наверх. Окно в комнате Кэ Яня было открыто. Он подошел к стеклянному шкафу, достал вещи из пакета и аккуратно расставил их на свои места, помня каждую деталь. Более того, он помнил, когда каждая вещь была подарена, выражение лица Чжао Сяньяня, когда он получал их, и его гордость, когда он говорил, что они слишком просты. Тогда он понял, что боль и радость всегда переплетаются, и он привык к этому.

Чжао Шэн тихо закрыл стеклянную дверь, обернулся и заметил немного смятую кровать. Тонкая простыня была единственным, что покрывало Кэ Яня, когда он спал.

Он вспомнил недавнюю сцену, достал телефон и начал просматривать записи с камеры.

Кэ Янь был значительно ниже Чжао Сяньяня, но по позе во сне он был точно таким же, завернутым в белую простыню и неподвижно лежащим на кровати, лишь частично выглядывая из-под нее, словно очищенная креветка.

Чжао Шэн медленно сел на край кровати, наблюдая, как человек на экране бессознательно перевернулся, открыв все лицо. Он, казалось, что-то видел во сне, хмурясь и выглядел раздраженным.

Хотя это было незнакомое лицо, Чжао Шэн не мог оторвать от него взгляда. Его большой палец коснулся лица Кэ Яня на экране, словно поглаживая его, и человек на экране, будто в ответ, отвернул голову и продолжил спать.

Судьба словно сыграла с ним злую шутку, заставив его сердце биться чаще, но оставив его беспомощным и растерянным, как никогда раньше, даже больше, чем когда он впервые осознал свои желания к брату.

Тот поцелуй в доме за границей перед аварией не был первым. Еще десять лет назад он хотел совершить нечто непростимое со своим братом.

Он проводил с братом больше времени, чем с родителями. Между братьями не было тайн, в детстве они спали на одной кровати, и лишь позже у них появилось личное пространство. Когда он готовился к поступлению в зарубежный университет, Чжао Сяньянь, которому было скучно и не хотелось мешать, часто оставался в его комнате до глубокой ночи, и часто, когда Чжао Шэн оборачивался, брат уже спал на его кровати.

Каждый раз, когда он будил его, Чжао Сяньянь был недоволен, но однажды тот спал так крепко, что не просыпался, а Чжао Шэн был настолько уставшим, что просто разделся и лег рядом.

Утром он проснулся от того, что рука Чжао Сяньяня лежала на нем. Открыв глаза, он почувствовал, как трудно дышать, брат словно обнимал его, как печь. Половина его лица была утоплена в подушке, а губы бессознательно касались его плеча, горячее дыхание обжигало кожу, вызывая зуд и жар. Внизу что-то напряглось, и он естественно подумал, что это просто утренняя реакция, но не обратил внимания на то, что сонливость пропала, во рту пересохло, и

он инстинктивно оттолкнул спящего рядом человека.

Когда Чжао Сянъянь проснулся и увидел его хмурое лицо, он подумал, что своим присутствием мешает ему отдыхать, и несколько дней не приходил. Чжао Шэн думал, что все закончилось, но через пару недель брат снова появился, играл в игры и засыпал, как обычно.

Только на этот раз он просто позвал Чжао Сянъяня и сел рядом. Рубашка брата поднялась, и он протянул руку, чтобы поправить ее, но, коснувшись кожи, понял, что хочет большего.

Он отдернул руку и отвернулся, его разум запутался, он пытался найти оправдание своим действиям, но в середине ночи он не мог сказать, что это просто утреннее явление.

Фактически он потратил много времени, чтобы понять, что именно он чувствует к Чжао Сянъяню. Те наброски были и его желанием, и его сомнением. Сначала это были лишь грубые очертания, но с улучшением навыков он стал рисовать более детально и красиво. Он начал отдаляться от брата, надеясь, что ситуация изменится.

Но однажды Чжао Сянъянь попал под дождь, вернулся домой с высокой температурой и едва мог узнавать родителей. Чжао Шэн сидел рядом с ним, злясь и беспокоясь, и, не осознавая этого, поцеловал его, с наказанием, упреком и явным желанием.

Он помнил, что во рту Чжао Сянъяня был горький вкус от лекарств, но для него это был самый сладкий вкус, который он когда-либо ощущал, и он не мог остановиться. Он непроизвольно сжал стройную талию брата, кожа под его рукой была горячеей, заставляя сердце биться чаще.

Он понял, что все кончено, что-то рухнуло, и в тот момент он хотел большего, словно сходил с ума.

С того дня все сомнения превратились в ясный и постыдный факт. Он каждый день боролся с этой бездной, но не имел права кричать о помощи, погружаясь все глубже. Его желание к брату росло с каждым днем, и он был обречен на вечные муки, потому что знал, что больше никогда не сможет полюбить кого-то другого.

Он искал утешения с другими не из-за сексуального желания, а из-за одержимости одним человеком. Эти люди в чем-то напоминали Чжао Сянъяня, он завязывал им глаза, запрещал стонать и говорить, а потом ненавидел себя за это, пока не прекратил такие отношения, и тогда произошла та авария за границей, поставившая точку.

Он был уверен, что именно из-за того, что он представлял лицо брата с другими, он получил самое тяжелое наказание. Смерть Чжао Сянъяня словно говорила ему, что даже фантазии были грехом. В тот момент он чувствовал, будто с него содрали кожу, и думал, что лучше бы он умер сам, чтобы не причинить вреда Сянъяню и не страдать больше.

Полгода он жил как зомби, и вдруг его брат вернулся. Какой выбор он сделает на этот раз?

Телефон снова зазвонил, и на этот раз Чжао Шэн ответил.

Цинь Хао на другом конце чуть не упал на колени от облегчения, готовый выложить кучу дел, но едва открыл рот, как Чжао Шэн его перебил:

— Можно ли ускорить возвращение в страну?

Он не видел, как лицо Цинь Хао потемнело, мышцы напряглись, и он с сарказмом ответил:

— По плану еще больше полугодом, но если вы хотите вернуться через месяц, никто не остановит. — Нельзя винить его за неуважение, ведь Чжао Шэн в последнее время вел себя слишком странно, а он был одним из немногих, кому тот доверял.

— Не через месяц.

Цинь Хао подумал, что он еще не сошел с ума.

— На следующей неделе.

Цинь Хао хотел бросить трубку.

Чжао Шэн понимал, что это несправедливо, и что он не должен был поступать так из личных побуждений, но он не мог оставаться вдали, зная, что Сянъянь жив. Он не хотел думать о мотивах и целях, в любом случае ему рано или поздно нужно было вернуться, просто немного раньше.

— А насчет мамы? — Цинь Хао уже полностью потерял тон подчиненного.

— Я поговорю с ней.

— Она с тобой разговаривает?

Чжао Шэн молчал.

— Ладно, я постараюсь уладить дела здесь, но лучше, чтобы с Цао И ничего не менялось, сейчас слишком рискованно.

— Я понимаю, спасибо за усилия.

Цинь Хао не хотел больше слушать и сразу повесил трубку. Чжао Шэн понимал его беспокойство и трудности, не имея претензий, но он не собирался менять свое решение.

Одиннадцать часов вечера, самый большой бизнес-клуб в Хайши.

Го Минъи слегка покачивал бокал шампанского, разговаривая с человеком рядом, в его голосе звучало пренебрежение и удивление.

— Чжао Шэн снова вернулся в страну?

Тот кивнул, тоже считая это невероятным.

— В прошлый раз он тоже вернулся из-за личных дел. Скажи, половина семьи погибла, мать наполовину инвалид, какие у него могут быть личные дела?

— Трудно сказать, но оба раза это было связано с человеком по имени Кэ Янь, кстати, Чжан Хэ, кажется, его знает.

— Чжан Хэ? — Го Минъи подумал, прежде чем вспомнить, что это глава одной из его стартап-компаний. — Когда-нибудь спрошу его.

— Кстати, как насчет земли в Цзянбэе?

— Пока все идет хорошо, Наньсин не проявляет активности, другие застройщики не будут

конкурировать с Хунхуэй, не волнуйтесь.

<http://bllate.org/book/16410/1486899>